

Глава 1

Капли дождя методично барабанили по козырьку моего застекленного балкона. Я, не отрывая глаз, повернулась на другой бок и лежала еще какое-то время. Вставать с постели не хотелось от слова «совсем». В конце концов, я не так давно завершила очередное расследование довольно запутанного преступления. Поэтому теперь наслаждалась заслуженным отдыхом, то есть ничегонеделанием. В принципе можно было бы заняться поисками подходящего тура. Но полоса дождей начисто отбила всякое желание что-то планировать, рыскать по интернету в поисках интересных мест и заниматься оформлением поездки.

С другой стороны, я с содроганием вспоминала прошлое лето с его просто адски невыносимой жарой. Не спасал даже кондиционер. Впрочем, под ним целое лето не просидишь. К тому же мне именно в эту жару приходилось практически без перерыва расследовать два

непростых дела. Так уж получилось, что мне поступили заказы с перерывом всего в два дня. Но в моем статусе частного детектива отказываться от клиента по причине неиспользованного отдыха — непозволительная роскошь. Кто знает, сколько времени потом придется ждать очередного звонка с просьбой найти преступника.

Это лето выдалось на редкость дождливое. По пальцам можно было пересчитать те дни, когда на Тарасов не обрушивались ливни с грозами. По этой причине мне удалось встретиться со своими подругами — Ленкой-француженкой и Светкой-парикмахершей — всего пару раз. Я даже не выбралась в бутик модной одежды, для того чтобы обновить свой гардероб, что я регулярно делаю, как только в руках у меня оказывается гонорар за проведенное расследование.

Но все когда-нибудь заканчивается. Полоса дождей тоже закончится, наступит солнечная, но нежаркая погода. На этой позитивной мысли я задремала.

Из дремы меня вывел телефонный звонок. Ответила я на него не сразу, поскольку какое-то время занималась поисками трубки. Где же я ее оставила? А-а, вспомнила, трубу я вчера положила на тумбочке в прихожей. Пришлось встать с постели.

— Алло, я слушаю, — сказала я, взяв трубку.

— Тань, — раздался голос Ленки-француженки, — ты что, все еще спишь, что ли?

— Да, собственно, Лен, уже и не сплю. Так, дремлю, погода такая, что расслабляет до предела. Ничего не хочется делать.

— Я согласна с тобой, дожди уже достали. Но нельзя поддаваться лени, — назидательно произнесла подруга. — А то так чего доброго превратишься в Обломова женского пола. Помнишь героя романа Гончарова, который практически все время проводил на диване, а просыпался далеко за полдень?

— Ну, Лен, мне такое вряд ли грозит. Поспать до полудня я, конечно, могу, но только тогда, когда валюсь с ног. А это бывает обычно во время или после очередного расследования, — объяснила я.

— А сейчас ты на отдыхе или занимаешься поисками преступника? — поинтересовалась Ленка.

— Сейчас я завершила очередное дело и отдыхаю, — ответила я.

— Здорово! — радостно воскликнула подруга. — Тогда я приглашаю тебя культурно отдохнуть.

— Ну, что же, я не против культурного отдыха. А куда мы пойдем? — спросила я.

— Сегодня вечером в нашем театре оперы и балета будет идти «Спящая красавица», — ответила Ленка. — Так что готовься, подруга.

— А у тебя что, и билеты уже имеются? — спросила я.

— У меня есть контрамарка на два лица, — сообщила Ленка.

— О, и как же ты ее получила? — поинтересовалась я.

— А мне ее дала Виктория Масленникова, репетитор балетной труппы театра, а в прошлом прима-балерина, — объяснила подруга.

— А я и не знала, Лен, что ты водишь знакомство с такими знаменитостями. Прима-балерина! Надо же!

— Да мое знакомство с Масленниковой не сказать что тесное. Просто Виктория Леонидовна по совместительству преподает классический танец в колледже искусств. А я там подрабатываю, заменяю ушедшую в декретный отпуск преподавательницу французского языка. Вот в колледже мы с Масленниковой и познакомились. Очень хорошая женщина: и привлекательная, несмотря на то что ей уже за сорок, и эрудированная, и образованная. Так что, Тань, готовься к вечеру.

— Я поняла тебя, Свет. Не бойся, не подведу, предстану перед взыскательной театральной публикой в наилучшем виде, — шутливо заметила я.

— Ну, тогда до вечера.

— Да, до вечера, пока, Свет.

Закончив разговор, я вернулась в спальню и подошла к окну. Кажется, дождь уже закончился, небо немного посветлело. Будем надеяться, что до театра удастся добраться без зонтика.

Я пошла в ванную комнату и приняла контрастный душ, затем насухо растерлась махровым полотенцем. Перейдя в гостиную, я про-

делала необходимые для поддержания спортивной формы упражнения. Ну вот, теперь можно и заняться завтраком.

На кухне я первым делом занялась ревизией холодильника. Да, большинство полок заметно опустело. Но это потому, что я еще не пополнила запас продуктов после окончания расследования. Опять же из-за затяжных дождей не хотелось выходить из сухой квартиры и шлепать по лужам. Однако не все так плохо. У меня еще остался запас необходимых ингредиентов для того, чтобы приготовить завтрак, обед и ужин. А самое главное — у меня есть мой любимый напиток — кофе. И о наличии сигарет можно не беспокоиться.

Недолго думая, я разморозила в микроволновке два голубца, нарезала помидоры, огурцы и зелень и заправила салат сметаной. Покончив с завтраком, сварила свою любимую неизменную арабику. С чашечкой дымящегося кофе перешла в гостиную. Здесь я удобно устроилась в кресле и начала пить чудесный напиток, смакуя каждый глоток.

После утренней трапезы я вышла на балкон и выкурила сигарету. Постояв немного на балконе, я вернулась в комнату и стала решать, чем заняться дальше. В принципе можно было отправиться в супермаркет за продуктами, для того чтобы пополнить запасы.

Но потом я решила, что совершу набег на супермаркет, когда у меня появится заказ на новое

расследование. Это уже закрепилось как традиция: как только продуктов остается самый минимум, то тут же объявляется клиент. Поэтому я решила не отступать от этой практики: кое-что съестное еще осталось. А вот уборкой квартиры заняться следовало бы. Так я и поступила. Вооружившись пылесосом, а затем и шваброй, я привела свое жилище в порядок.

Теперь можно продумать свой вечерний наряд. Вынув из шкафа подходящие к случаю платья, я разложила их на постели и начала отбор. Это у меня заняло довольно много времени: я все никак не могла решить, что же лучше — черное маленькое платье или удлиненное фиолетовое. В конце концов я остановила свой выбор на платье-стретч изумрудного цвета, которое очень хорошо шло к моим зеленым глазам. К нему я подобрала бежевые лодочки и такого же цвета сумочку. Покрутившись перед зеркалом, улыбнулась самой себе: вид — то что надо.

И вот он, театр. Великолепный, шумный и праздничный — почему-то наш тарасовский оперный театр вызывает во мне именно такие эмоции. Мы еле успели, а потому насладиться прохаживаниями разряженных в пух и прах зрителей не удалось: сразу же рванули в зал. С первых же тактов музыка великого Чайковского захватила меня целиком и полностью и не отпускала все три действия. Я как будто бы возвратилась в детство. Мне было лет шесть, когда родители впервые взяли меня с собой в театр. Огоньки, потря-

сающая музыка, роскошные наряды артистов — все это тогда показалось сказкой, и это чувство по-прежнему никуда не исчезло.

В антракте мы с Ленкой вышли из зрительного зала, начали прогуливаться по фойе и обмениваться впечатлениями. Вскоре к нам подошла элегантно одетая светловолосая женщина. На вид ей можно было дать лет тридцать восемь — сорок.

— О, Виктория Леонидовна! — воскликнула Ленка. — А это моя подруга Татьяна.

— Очень приятно, — приветливо улыбнулась Масленникова. — Вы тоже преподаете французский язык, Татьяна?

— Нет, я — частный детектив, — ответила я.

— Это, должно быть, интересная работа, — заметила Виктория Леонидовна. — Но, на мой взгляд, она сопряжена с опасностями. Или это не так?

— Вы правы, опасностей хоть отбавляй. Но моя работа мне нравится, — просто ответила я.

— А как вам спектакль? — Масленникова обратилась к нам обеим.

— Сказочный спектакль! Просто феерия! — восторженно проговорила моя подруга. — Да, все впечатляет: и праздничные декорации, и роскошные костюмы, и, конечно же, гениальная музыка!

В это время Масленникову окликнула какая-то женщина и она, извинившись, отошла.

После нашего с Ленкой посещения балетного спектакля прошла неделя, но звонка с прось-

бой заняться расследованием все еще не было. Я уже потихоньку начала изнывать от безделья. Да и деньги, которые я получила за предыдущее расследование, начинали ощутимо таять. Я ведь не отношусь к числу бережливых особ. Экономить я не привыкла, поэтому, наверное, деньги и покидают меня довольно быстро. Но больше всего меня напрягало отсутствие настоящего дела.

«Ладно, Таня, не надо унывать, уныние — это грех. Дождешься ты звонка, обязательно дождешься», — подбадривала я саму себя.

И вот утром, довольно рано, наконец-то зазвонил телефон.

— Алло, — сказала я, сняв трубку.

— Татьяна? Простите, Татьяна Александровна? — спросил взволнованный женский голос.

— Да, это я, — ответила я.

— Татьяна Александровна, это Масленникова, Виктория Леонидовна. Помните, мы с вами встретились на балете «Спящая красавица»? — спросила женщина.

— Ну, конечно, помню, Виктория Леонидовна, — ответила я.

— Татьяна Александровна, вы сказали, что вы — частный детектив. Так?

— Совершенно верно.

— Мне нужна ваша помощь, — решительно проговорила Масленникова.

— Я готова вам помочь, Виктория Леонидовна. Но такие дела не решают по телефону. Вы знаете, где я живу? — спросила я.

— Нет, Леночка дала мне только ваш телефон. А я решила вам предварительно позвонить, — объяснила Масленникова.

— Тогда запишите мой адрес, Виктория Леонидовна, и приезжайте.

Я продиктовала ей улицу, номера дома и квартиры.

— А когда можно подъехать? — спросила женщина.

— Можете приехать прямо сейчас, — ответила я.

До приезда Масленниковой я успела привести себя в порядок и протереть полы в гостиной. Я пригласила женщину и, сев в кресло, приготовилась выслушать ее. Масленникова выглядела очень расстроенной, она присела на диван и в волнении сжала руки.

— Татьяна Александровна, два дня назад был убит мой бывший муж, Иннокентий Константинович Подхомутников, — начала женщина и замолчала.

— Мои соболезнования, — сказала я. — Полиция уже расследует его убийство?

— Да, уголовное дело заведено, но... Татьяна Александровна, пожалуйста, найдите убийцу Иннокентия. Мы давно разошлись, но расстались мы с Иннокентием вполне мирно. В память о том времени, которое я провела с Кешей, я хочу, чтобы его убийца не остался безнаказанным.

— Но ведь вы, Виктория Леонидовна, сказали, что полиция уже приняла дело в производство, — заметила я.

— Ох, Татьяна Александровна, следствие ведет такой юный полицейский, совсем еще мальчик! — воскликнула Масленникова. — Кроме того, мне сообщили, что следов очень мало. То есть их практически нет. Отпечатков пальцев нет, орудия убийства они не нашли. Я боюсь, что следствие затянется, а результата так и не будет.

— Хорошо, Виктория Леонидовна, тогда расскажите мне, как это произошло. Кто обнаружил вашего бывшего мужа? — спросила я.

— Насколько мне известно, Иннокентия нашел Владислав Шляпников — секретарь Союза художников. Он по какой-то причине должен был зайти к Иннокентию домой. Владислав звонил ему в дверь, но из квартиры Иннокентий не вышел. Тогда Шляпников спустился вниз, к консьержке. Они вместе поднялись наверх, снова стали звонить и стучать в дверь. Однако безрезультатно. Тогда они решили вызвать полицию. Полицейские открыли дверь и увидели, что Иннокентий лежит на полу в спальне без признаков жизни. Экспертиза показала, что ему был нанесен удар тупым предметом в область затылка, это и послужило причиной смерти. И кроме того, у него были отрезаны уши, а на лбу кровью нарисован перевернутый крест, — последнюю фразу Масленникова прошептала. — Представляете — уши лежали рядом с телом! Это так ужасно! Кто мог пойти на убийство и на такое зверство?

— Откуда вам это известно? — уточнила я.

— Полицейские рассказали. Мне звонили из полиции, выясняли мое алиби — говорят, часто преступник близко знаком с... жертвой. Мы в разводе, ну и... подумали, что я на такое способна! А когда мы пообщались, в общих чертах и рассказали, что произошло.

— Виктория Леонидовна, вы не уточняли, почему Шляпников обратился к консьержке? Он же мог банально уйти — мало ли, изменились планы у человека. Я бы, скорее всего, так и поступила.

— Ой, Татьяна Александровна, да, меня этот вопрос тоже интересовал. Но полицейский от моих вопросов отмахивался, — пожалала она плечами.

А я подумала, что как минимум два направления деятельности уже вырисовываются. Во-первых, связаться с Кирей — пусть посмотрит по базе, не проявлялся ли раньше подобный любитель ушей человеческих. Характерный почерк преступления может вывести на преступника. Ну и вообще, надо будет материалы дела пролистать. Во-вторых, обязательно встретиться с Владиславом Шляпниковым и узнать, с чего он проявил подобную настойчивость. Ну и с консьержкой пообщаться. Кстати, уши резали уже после смерти или как?

— Кем работал Иннокентий Константинович? — спросила я.

— Иннокентий Константинович был художником. Он начал свою творческую деятельность

в нашем театре оперы и балета: писал декорации, оформлял сцену. В театре мы с ним и познакомились. Я тогда только что окончила наше хореографическое училище, и меня приняли в балетную труппу. А Иннокентий Константинович был старше меня на двадцать лет. Но такая разница не имела для нас никакого значения. Правда, в дальнейшем наши жизненные пути разошлись, но это уж совсем другая история.

— Простите, а общие дети у вас есть? — задала я деликатный вопрос.

— Нет, детей у нас не было, — ответила женщина.

— На данный момент ваш бывший муж продолжал работать в театре? — спросила я.

— Нет, в последние годы Иннокентий, насколько мне известно, занимал какой-то пост в Союзе художников. Но вроде бы это было непродолжительное время. И, кажется, еще он являлся организатором художественных выставок.

— А что вы можете сказать по поводу его недругов-недоброжелателей? Имелись такие? Мог он кому-нибудь, что называется, перейти дорогу? — Я сразу задала Масленниковой ряд вопросов.

— Даже и не знаю, что вам ответить, Татьяна Александровна. Как я уже сказала, мы с Иннокентием разошлись уже довольно давно. Поэтому то, что происходило в его жизни после нашего развода, мне неизвестно. Одно могу сказать: в то время, когда мы были мужем и женой,

никаких серьезных конфликтов у Иннокентия ни с кем не было. Правда, характер у него был не из легких, но он умел обходить острые углы,— добавила Масленникова.

— Хорошо, Виктория Леонидовна, — сказала я. — Я согласна расследовать убийство Иннокентия Константиновича. Сейчас мы с вами составим договор. И еще мне нужен будет ваш телефон для связи.

— Конечно, — ответила Масленникова.

Мы обменялись телефонами, Масленникова вручила мне аванс, записала адрес квартиры своего бывшего мужа и ушла. А я отправилась в душ, а затем на кухню. Позавтракав, я вышла на балкон и закурила.

Итак, мне предстоит найти убийцу художника Иннокентия Подхомутникова, которого стукнули по голове чем-то тяжелым, да вдобавок отрезали уши и нарисовали оккультный символ. Секта из запрещенных, ритуал? Или отвлечение внимания? А возможно, маньяк или подражатель такового? А может быть, никакой ритуальности на самом деле и не было, преступник просто хотел направить следствие по ложному пути. Это следует выяснить.

Масленникова сказала, что они с Иннокентием разошлись давно. Поэтому неудивительно, что женщине незнаком круг лиц, которые так или иначе контактировали с ее бывшим супругом. Зато мне надо будет обрисовать круг его общения, побеседовать со знакомыми... скажем

так, на предмет их возможной причастности к убийству художника. Иначе говоря, выявить подозреваемых в совершении преступления.

Виктория Леонидовна упомянула о секретаре Союза художников — Владиславе Шляпникове, который обнаружил тело Подхомутникова в его квартире. Общались с убитым? Общались. Даже был вход в дом к Подхомутникову. Возможно, Шляпников в курсе того, что происходило с Иннокентием в последнее время. Стало быть, нужно будет наведаться в Союз художников. Впрочем, поскольку уголовное дело уже заведено, то есть уже и определенные следственные наработки. Правда, Масленникова сказала, что следователь не внушает доверия, потому что он, скорее всего, с университетской скамьи, то есть еще стажирется. Но он явно не в одиночку ведет следствие по делу Подхомутникова, это уж как пить дать.

Вот что! Поеду-ка я сейчас в Управление полиции к Володе Кирьянову, моему хорошему другу. Однако сначала необходимо с ним созвониться, потому что Володьку часто вызывают и он не всегда находится у себя в кабинете.

Да! А ведь я еще не погадала на своих додекаэдрах! Перед тем как начать очередное расследование, я всегда советуюсь со своими магическими «костями». Я взяла черный замшевый мешочек и вытряхнула «кости» на прикроватную тумбочку. Затем взяла додекаэдры в руку, сосредоточилась и мысленно задала вопрос. Согрев «кости» теплом своей руки, я метнула их на тумбочку. Поскольку

я выучила толкование выпавших цифровых сочетаний наизусть, то мне не понадобилось заглядывать в листок с расшифровкой. Додекаэдры предсказали мне успех в моих начинаниях, иными словами — в расследовании. А их предсказания всегда сбывались.

Теперь нужно позвонить Кирьянову. Я набрала знакомый номер.

— Алло, — отозвался Владимир.

— Володь, привет, — сказала я.

— Таня! Рад тебя снова слышать.

— Взаимно, Володь. Слушай, ты сейчас свободен? — спросила я

— Ну, в данный момент да, свободен.

— Скажи, ваше ведомство занимается расследованием убийства Иннокентия Подхомутникова? — спросила я.

— Да, Тань. А ты что, имеешь к этому делу личный интерес?

— Меня наняла бывшая жена убитого, — объяснила я. — Мне необходимо с тобой увидеться, Володь.

— Тогда поспешай, Тань. У нас скоро должно начаться совещание, — сообщил Кирьянов.

— Я поняла тебя, выезжаю прямо сейчас.

— Жду. До встречи.

Я быстро собралась, надела голубые джинсы и легкий белый пуловер, причесалась и распустила волосы по плечам. Нанеся дневной макияж, я взяла сумку и спустилась в подъезд. Через пятнадцать минут я уже входила в Управление полиции.

— А вот и я! — сообщила я, открывая дверь кабинета Кириянова.

— Проходи, Тань, — Владимир поднялся мне навстречу. — У меня через пару минут начнется совещание, так что я оставлю тебя. Если вопросы останутся — или дождись, или созвонимся позже. Вот познакомься, наш стажер Анатолий Загребенников.

Тут только я заметила молодого человека в очках, который скромно сидел за компьютером.

— Анатолий, представляю Татьяну Александровну, она наш коллега, частный детектив. Она тоже подключена к расследованию убийства Иннокентия Подхомутикова. Так что введите Татьяну Александровну в курс дела. Ну, Тань, пока.

Владимир вышел из кабинета, а я села за его стол.

— Анатолий, расскажите, что уже удалось выяснить, — попросила я.

Загребенников снял очки, повертел их в руках и положил на стол.

— Значит, так, — начал стажер, — Иннокентий Подхомутиков вернулся домой около половины двенадцатого ночи.

— А как было установлено время его возвращения домой? — тут же спросила я. — Были свидетели? Кто-то видел, как он входил в подъезд? Или его видели на лестничной клетке, непосредственно перед квартирой? — Я тут же задала ряд вопросов.

— Нет, Татьяна Александровна, — покачал головой Загребенников, — к сожалению, никаких свидетелей возвращения Подхомутникова не нашлось. Единственным человеком, который видел художника, была консьержка. Она и сообщила время его возвращения. Подхомутников пожелал ей доброй ночи и отправился на лифте на свой этаж. Утром пришел секретарь Союза художников и сказал, что ему необходимо передать Подхомутникову какие-то документы. Он говорил, что накануне они с Подхомутниковым о встрече договаривались и тот очень ответственно относился к таким договоренностям, — добавил внушительно стажер. — Но связаться с художником по телефону не удалось. Звонок в дверь тоже остался без ответа. Секретарь и дежурная еще около получаса простояли у двери Подхомутникова. Периодически они звонили и стучали в дверь. Консьержка уверяла, что художник из подъезда не выходил. И наконец было принято решение вызвать полицию. Ну, мало ли что. Вдруг человеку плохо стало, а помощь оказать некому?

— Почему не «Скорую»? — удивилась я.

— А кто дверь откроет? — откликнулся мой собеседник. — Впрочем, в «Скорую» они тоже звонили, те чуть позже нас приехали — и, сами понимаете, чуть не сразу уехали обратно.

— Так, приехала полиция. Кстати, во сколько это было? По времени, я имею в виду.

— Мы там были примерно в девять тридцать утра, — ответил стажер.

— Так вы, Анатолий, тоже были в составе опергруппы? — поинтересовалась я.

— Да, Татьяна Александровна. Владимир Сергеевич сказал, что мне это пойдет на пользу. Я ведь только что приступил к практике. А тут такое дело! Очень непонятное убийство. К тому же еще и весьма запутанное.

— А что говорит в пользу такого вашего определения? — спросила я.

— Ну, во-первых, никаких следов пребывания в квартире посторонних людей обнаружено не было. А во-вторых, у трупа отсутствовали уши.

— Вы хотите сказать, что убийца отрезал жертве уши и унес с собой? — уточнила я. Ведь Масленникова сказала, что уши Подхомутникова лежали рядом с телом.

— Да, уши он отрезал, совершенно верно. Только он не уносил их с собой, а оставил на трупе. Вдобавок кровью из раны он нарисовал на лбу жертвы перевернутый крест. Впрочем, давайте я расскажу все по порядку, — предложил Загребенников.

— Да уж, пожалуйста, давайте все по порядку.

— Значит, так. Мы вошли в подъезд, поднялись на последний этаж, и там нас встретили консьержка и секретарь Союза художников. Дверь вскрыли, и мы прошли в комнаты. Подхомутников лежал на полу в спальне. Скорее всего, художник собирался ложиться спать, потому

что на постели лежала приготовленная пижама. Но мужчина так и остался в дневном костюме. Вероятно, преступник сразу занялся делом. Он ударил Подхомутника тяжелым предметом по голове, в область затылка, а затем уже у мертвого отрезал уши и нарисовал знак оккультистов — перевернутый крест.

— Так смерть наступила в результате удара? — уточнила я.

— Да, именно поэтому, — подтвердил Анатолий.

— И этот тяжелый предмет — орудие убийства — преступник унес с собой?

— Убийца ударил Подхомутника напольной вазой, которая находилась в спальне. На вазе были обнаружены следы крови жертвы, — сообщил Загребенников.

— Как насчет следов преступника?

— Ничего. Отпечатки пальцев затерты, либо работал человек в перчатках.

— А что с ушами? — не смогла не уточнить я. — Отрезаны уже у мертвого? Что говорят эксперты?

— Да, уже у трупа, — кивнул Загребенников.

— То есть можно предположить, что убийца прятался в спальне? — Я продолжала уточнять подробности.

— Скорее всего, там. Собственно, как я уже и сказал, Татьяна Александровна, никаких отпечатков пальцев преступника следственная группа не обнаружила. Вообще, в квартире царила

идеальная чистота. Просто стерильность, как в операционной. Как удалось выяснить, к Подхомутникову приходила домработница и тщательно убирала его апартаменты. Как пояснил секретарь, аккуратность и порядок во всем, и особенно в жилище, — это был своеобразный пунктик художника. Мы всё осмотрели, Подхомутикова увезли в морг, ну а квартиру, естественно, опечатали.

— При осмотре квартиры было обнаружено что-то, что могло пролить свет на совершённое убийство? — спросила я.

— Ну, как я уже сказал, никаких отпечатков пальцев, никаких других следов, включая и следы борьбы, обнаружено не было.

— Следы взлома на входной двери?

— Какие-то царапины, — пожал плечами стажер. — Но эксперт не уверен в том, что это именно следы взлома. Ключ к замку своеобразный, не очень хорошо обточенный как будто, как мне объяснили. Ну, с металлическими заусенцами. И он вполне мог такие царапины оставить.

— И что из этого следует? — проговорила я вслух. — Либо преступник зашел в квартиру заранее, спрятался в спальне, а когда вернулся Подхомутников — ударил того вазой. Либо зашел в гости к убитому...

— Почему? — насторожился Загребенников. — В гости около полуночи?

— Почему бы и нет? — хмыкнула я. — Мало ли, если он, допустим, сосед. Понимаете, Ана-

толий, ситуация необычная. С одной стороны, убили подручным предметом — вазой. То есть мы видим намек на неумышленное преступление или аффект. Преступник разозлился, схватил вазу и грохнул собеседника по голове. Так?

Стажер кивнул, а я продолжила:

— Но уши сюда не вписываются. Это уже намек на какой-то ритуал или месть. Кстати, чем их отрезали?

Парень пролистал отчет, вчитался в какой-то абзац:

— Вот! Обычный столовый нож, ориентировочная толщина лезвия... ширина...

— Понятно, спасибо. Камеры слежения в квартире были установлены? Или на лестничной клетке? — спросила я.

Загребенников покачал головой.

— Нет. Видимо, художнику они были без надобности.

— А что говорит консьержка? — задала я следующий вопрос. — Приходили ли в тот день в дом какие-нибудь посетители, личности которых могли вызвать подозрение?

— Таких людей не было. Консьержка утверждает, что во время ее дежурства в подъезд входили только постоянные жильцы этого дома.

— Консьержке можно доверять? — спросила я.

— Думаю, что да, можно. Мы опросили жильцов дома, они подтвердили, что дежурная — очень ответственная и порядочная женщина, что ей можно доверять. Работает давно, вдвоем со смен-

щицей. Ту, вторую, тоже считают ответственной и надежной. Если бы кто-то пришел чужой, консержка не оставила бы это без внимания.

— Консержка могла покинуть свое рабочее место. Например, по естественным надобностям, — хмыкнула я, дивясь наивности и доверчивости стажера.

— Да, и это мы тоже выяснили, — кивнул он, ничуть не смутившись. — Несколько раз в течение дня она действительно отходила с рабочего места. Но дверь в подъезд была закрыта, и войти в отсутствие консержки мог только тот, кто жил там. То есть человек с ключом от подъездной двери.

— Хм... А как насчет камер? Насколько я знаю, в домах, где есть консержка, должны быть и видеокamеры, по крайней мере у входа.

— Да в том-то и дело, что нет камер! — с каким-то даже возмущением буркнул Анатолий. — Как так можно? Элитный дом, с консержкой, но на камеры решили не тратить! А ведь с системой видеонаблюдения все было бы гораздо проще!

Я согласно кивнула: он прав. Были бы камеры, на них, по крайней мере, фигуру преступника можно было бы заметить. А тут... Ну да ладно.

— Ну, хорошо. Но тогда непонятно, как же преступник оказался в квартире Подхомутникова? — спросила я. — Не телепортировался же он?

— Вот и нам тоже хотелось бы получить ответ на этот вопрос. Но — увы... Нет, другой

возможности попасть в квартиру художника, кроме как подняться в лифте или по лестнице, просто не существует. Но для этого опять-таки необходимо пройти через наблюдательный пост консьержки.

— А как насчет окон первого этажа? — задумалась я.

— Тоже проверили, все окна забраны решетками, — порадовался своей сообразительности парень. — К тому же окна выходят на открытое пространство — двор, где бабушки сидят на лавочках, мамочки с детишками гуляют, и так далее. И магазины круглосуточной торговли. Вряд ли преступник рискнул бы снимать решетки и лезть через чужую квартиру.

— Консьержка точно не могла отойти, оставив входные двери открытыми? — спросила я.

— Клянется и божится, что отходила только днем и двери были закрыты. Думаю, что так оно и было, женщина очень переживает случившуюся трагедию. У меня сложилось впечатление, что говорит она искренне.

— А что со второй сменщицей? Вы ее упоминали? Сутки дежурит один человек, потом на вахту заступает другой.

— Да, это так, — согласился Анатолий.

— Так вы допросили вторую дежурную? — спросила я.

— Да нет, — несколько растерянно произнес Загребенников, — а зачем? Сменщица никакого отношения к делу не имеет, она ведь сменилась

за сутки до убийства. Какой тогда смысл ее допрашивать?

— А смысл в том, что убийца мог прийти в подъезд гораздо раньше, чем на дежурство заступила та консьержка, которая находилась на вахте в день убийства Подхомутникова. Преступник пришел загодя, подыскал себе подходящее укрытие. Возможно, он изучил распорядок дня художника, установив за ним наблюдение. Таким образом, убийца точно знал, в какое время суток Подхомутников бывает дома, а когда — отсутствует. То есть убийца все продумал и тщательно подготовился к совершению преступления. Что скажете, Анатолий?

— Да, вы правы, Татьяна Александровна. — Загребенников взял со стола свои очки и повертел их в руках. — Мы как-то упустили из виду такой вариант. Вполне возможен такой поворот событий, о котором вы говорите.

— Но главное все-таки не это, — заметила я.

— Да? А что же?

— Куда делся убийца Подхомутникова после совершённого преступления? Ведь, по словам, консьержки, никого постороннего в доме не было, все только свои. То есть и приходили, и выходили только постоянные жильцы. Ну и как же в таком случае убийца ушел из квартиры?

— Да... Действительно, загадка... Прямо мистика какая-то, Татьяна Александровна, — обескураженно проговорил Анатолий. — Хотя... Может быть, сообщники?

— Да, тоже вариант, — кивнула я. — Либо сообщники, либо человек банально был хорошо знаком с кем-то из этого подъезда.

— Зашел в гости, вышел из квартиры с какой-то целью, дождался Подхомутникова, убил и вернулся? — подхватил мою мысль на лету парень. А я задумалась. Если бы все происходило в дневное время суток — такой вариант вполне можно было бы рассмотреть. Но в районе полуночи ходить в гости, да еще таким загадочным образом? Впрочем, возможен и еще один вариант. Преступник общался с кем-то с первого-второго этажа и все же рискнул выбраться через окно, например.

— Анатолий, скажите, вы обыскивали подъезд или только квартиру?

— Квартиру — да, разумеется. Подъезд — нет, не обыскивали, — покачал головой парень. — Побеседовали с соседями этажом ниже, выше — только технический этаж, Подхомутников на последнем этаже жил. Поговорили с консьержкой — и все. Никто ничего не слышал. Да и что там слышать-то? Если Подхомутникова неожиданно стукнули по голове. Это же не огнестрел!

Я кивнула, а потом озадачилась:

— Пойдите, а что с квартирами на той же лестничной площадке?

— Так у него единственная квартира на этаже! — с каким-то даже восторгом сказал Анатолий. — Совершенно роскошная!

— Ага... — кивнула я. И внезапно даже для себя воскликнула: — А вот и лазейка для нашего преступника! — фыркнула я. — Если предположить, что он после убийства выжидал в подъезде удобного случая, мог вполне дожидаться полиции и незаметно ускользнуть. Или... в те полчаса, что консьержка топталась у дверей Подхомутникова. Изнутри ведь дверь подъезда можно открыть без ключей?

— Татьяна Александровна, гениально! — восторженно воскликнул стажер, набрасывая заметки в блокноте. А я пожала плечами. Ладно, хватит толочь воду в ступе.

— Вот что, Анатолий, — я решительно поднялась, — мне необходимо осмотреть квартиру Подхомутникова. Вы сказали, что квартира опечатана?

— Да, конечно, — подтвердил стажер. — Так ведь положено по закону.

— Это понятно. Но ключи от нее имеются? — спросила я.

— Ну конечно, имеются.

— Тогда давайте прямо сейчас поедem на квартиру художника и осмотрим ее еще раз, — предложила я.

— Хорошо, Татьяна Александровна, — согласился Загребенников. — Сейчас я только схожу за ключами.

По дороге мы с Загребенниковым обсуждали версии совершённого убийства.

— Анатолий, скажите, вы уже очертили возможные мотивы, которыми руководствовался преступник? — спросила я.

— Да, кое-что есть. Мы начали с того, что стали выяснять, могла ли быть кому-либо выгодна смерть Подхомутникова. Опросили для начала самый близкий круг тех, кто с ним общался.

— И что вы выяснили? — спросила я.

— Вы знаете, художник, судя по отзывам, в принципе был, в общем-то, неконфликтный человек. Вежливый, рассудительный, владел своими эмоциями. Но вместе с тем — принципиальный. Будучи владельцем картинной галереи и организатором художественных выставок, Подхомутников являлся довольно-таки важной величиной в художественном мире. Ну, он мог отказать в персональной выставке, если считал, что картины, отобранные на нее, недотягивают до эталона. А с другой стороны, искусство ведь — вещь очень тонкая, неоднозначная. Кому-то нравится классика, кому-то — абстракция. Я это к чему, собственно, говорю. Секретарь Союза художников — Владислав Шляпников — тот самый, что приходил утром к Подхомутникову, сообщил, что накануне убийства у Подхомутникова произошел серьезный конфликт с художником Григорием Переводниковым. Подхомутников отказался брать его картины, ну, то есть отказал по существу в устройстве персональной выставки.

— А в чем была причина отказа? — спросила я. — Картины Переводникова не соответствовали критериям искусства в понимании Подхомутникова?

— Да, это была одна из причин. Кроме того, на устройство персональной выставки претендовал еще один художник — Геннадий Селиверстов.

— То есть Подхомутников предпочел Селиверстова? А Переводников остался не у дел? — уточнила я.

— Да, именно так. И, по словам Владислава Шляпникова, Переводников устроил грандиозный скандал. Он рвал и метал и как ошпаренный выбежал из здания Союза художников.

— А что же Подхомутников? — спросила я.

— Опять же, как следует из рассказа Владислава Шляпникова, Подхомутников решил еще раз поговорить с обиженным художником и даже позвонил ему, назначив встречу вечером, кажется, в одном из кафе.

— А какой смысл был в этой встрече? — недоуменно спросила я. — Ведь решение о выставке было уже принято. Ведь не собирался же Подхомутников поменять его?

— Ну, судя по всему, нет, не собирался. Не знаю, зачем это ему было надо. — Загребенников пожал плечами. — Возможно, хотел в более спокойной обстановке еще раз поговорить. Как я уже сказал, по отзывам, Подхомутников был неконфликтным. Может быть, ему был неприятен такой скандал, который учинил Переводников, кто знает.

— Понятно. А вы уже допросили Переводникова? — спросила я.

— Да, конечно, Татьяна Александровна.

— И что он сказал?

— Сказал, что после того, как они с Подхомутниковым встретились в кафе, они, поговорив, остались каждый при своем мнении.

— То есть Переводников продолжал считать, что он более достоин персональной выставки, чем Селиверстов? — уточнила я.

— Да. По словам Переводникова, они вышли из кафе и каждый направился в свою сторону.

— А он мог совершить убийство? Этот самый Переводников? Ведь устроил же он скандал в Союзе художников. Не исключено, что в пылу гнева ему могла прийти в голову и более радикальная мысль, — предположила я.

— Ну... — Загребенников на долю секунды задумался. — Так-то у нас на Переводникова ничего серьезного нет, Татьяна Александровна. По его словам, после возвращения из кафе после встречи с Подхомутниковым он изрядно выпил, так как его сосед отмечал возвращение сына из армии. Так что у него имеется алиби.

— А вы уже допросили соседа Переводникова? — спросила я.

— Конечно! Сосед все подтвердил. Он сам проводил Переводникова до его квартиры.

«Все равно нужно будет встретиться с этим неуправляемым Переводниковым, — подумала я, — мало ли что. Пусть он и напился, но потом

дома мог и протрезветь и убить Подхомутникова. И еще эти отрезанные уши... Очень похоже на месье, учитывая взрывной характер Переводникова. Но опять же, как он проник в его квартиру? Ведь никто чужой в тот день не приходил».

— Анатолий, а какие еще версии вы рассматривали? — спросила я.

— Мы подумали, что, возможно, здесь задействован какой-то сектант. Все-таки уши просто так не отрезают и символы на жертве не рисуют. Кто знает, может быть, это какой-то фанатик поработал. Но пока эта версия отрабатывается. Мы, правда, уже устроили несколько облав по шалманам и другим подобным местам, но пока все безрезультатно.

— И когда только успели? — больше себе задала я вопрос. Подхомутников всего три дня назад, получается, был убит.

— Так сразу же, как стали раскручивать это дело. Уж больно интересная особенность, — откликнулся стажер.

— А что с аналогичными случаями? С отрезанными ушами, я имею в виду? Не смотрели по базе, занимался кто-нибудь подобным?

— Нет, пока не успели, Татьяна Александровна, — покачал головой Анатолий. — Это же время надо, а мы пытались по горячим следам с делом разобраться. Всего три дня прошло! А символ этот — перевернутый крест — в принципе используется во множестве оккультных сект. Ничего конкретного.

Мы подъехали к дому, где проживал Иннокентий Подхомутников. Это был высотный дом с благоустроенной придомовой территорией. Квартира Иннокентия Подхомутникова находилась на четырнадцатом этаже. Я обратила внимание, что к дому вплотную примыкала еще одна такая же высотка. «Или это второй подъезд одного и того же дома? — подумала я. — Да нет, скорее всего, еще один многоэтажный дом. Потому что двухподъездные дома не строят. Или один подъезд, или пять, а то и больше». На всякий случай я метнулась к прогалу между домами — но поняла, что здесь с трудом средних размеров кошка протиснется. Нет, не вариант. Да и окна сюда не выходят, что приятно для жильцов: вряд ли доставит удовольствие существовать в квартире, за окнами которой постоянно мельтешат соседи.

В просторном холле подъезда нас с Анатолием встретила пожилая женщина. Она сидела за стеклянной перегородкой и взяла какое-то меланжевое полотно.

— Здравствуйте, Октябрина Михайловна, — поздоровался Загребенников.

— Здравствуйте, — отозвалась женщина, — вы снова к нам?

— Нам необходимо еще раз осмотреть квартиру Иннокентия Константиновича, — сказал стажер.

— А эта девушка тоже будет проводить осмотр? — спросила женщина, посмотрев на меня.